

MPHTI 10.59.31
УДК 341.1
JEL K33

<https://doi.org/10.46914/2959-4197-2026-1-1-292-302>

МАРАТ М.М.,*¹

М.Ю.Н.

*e-mail: madina_20_20@mail.ru

ORCID ID: 0009-0002-1375-623X

УЗАКБАЕВА А.Б.,²

К.Ю.Н., доцент.

e-mail: ms.rabbota2016@mail.ru

ORCID ID: 0009-0009-7932-4799

ТУРСЫНБАЕВА Г.И.,³

М.Ю.Н., ст. преподаватель.

e-mail: g.tursynbaeva@q.edu.kz

ORCID ID: 0009-0004-0940-6290

НУРЖАНОВ Д.А.,⁴

М.Ю.Н., ассистент профессора.

e-mail: nurzhanov.d@kaznmu.kz

ORCID ID: 0009-0002-2160-5351

¹КарНИУ им. Е.А. Букетова,

г. Караганда, Казахстан

²Костанайский социально-технический университет им. академика Алдамжара,

г. Костанай, Казахстан

³«Q» University,

г. Алматы, Казахстан

⁴Казахский национальный медицинский университет им. С.Д. Асфендиярова,

г. Алматы, Казахстан

ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ СОВМЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫМИ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация

В статье рассматриваются правовые модели совместного управления трансграничными водными ресурсами в условиях роста водного дефицита, климатических изменений и экологических рисков. Цель исследования заключается в выявлении эффективных международно-правовых и сравнительно-правовых механизмов регулирования сотрудничества государств и определении направлений модернизации действующих моделей управления. Научная и практическая значимость работы состоит в систематизации современных принципов международного водного права и выявлении разрыва между договорными нормами и их фактической реализацией в регионах. Методология исследования включает компаративно-правовой, формально-юридический и системный методы, примененные при анализе Конвенций ООН 1992 и 1997 гг., региональных соглашений и национального законодательства. Установлено, что эффективность водного сотрудничества зависит от полноты договорной базы, институциональной устойчивости комиссий, механизмов контроля и интеграции экосистемного подхода. Сделан вывод о необходимости перехода от декларативных соглашений к комплексным бассейновым моделям управления. Особое внимание уделено роли обмена данными и участия заинтересованных сторон. Подчеркивается значение судебных гарантий экологических прав. Практическая ценность результатов исследования связана с их применением при разработке водной политики и межгосударственных договоров.

Ключевые слова: трансграничные водные ресурсы, международное водное право, совместное управление, экологические права, водное сотрудничество.

Введение

Проблемы совместного использования трансграничных водных ресурсов приобретают особую актуальность в начале XXI века. Рост потребностей, ухудшение качества вод и изменение климата усиливают риск споров между государствами из-за доступа к водным ресурсам [1]. В этих условиях международное сообщество выработало ряд правовых механизмов и моделей сотрудничества, призванных обеспечить совместное управление трансграничными водами на основе устойчивого и справедливого водопользования.

Тема правовых моделей совместного управления трансграничными водными ресурсами широко исследуется как отечественными, так и зарубежными учеными. Так, Ю.А. Случевская отмечает, что современная международно-правовая модель совместного использования и охраны международных водотоков представляет собой систему норм, регулирующих отношения государств в сферах предотвращения трансграничного вреда, защиты экосистем, рационального использования воды и эффективного управления, включая создание международных бассейновых организаций [2]. Зарубежные исследования также подчеркивают эволюцию принципов водного права. В частности, McCaffrey в своей статье указал, что две глобальные конвенции, Хельсинкская 1992 г. и Нью-Йоркская 1997 г., хотя и различаются подходами, фактически взаимно дополняют друг друга и совместно продвигают правовую основу сотрудничества [3]. Он отметил тенденцию к тому, что все больше государств регулируют совместное использование вод именно на основе права, а не силы. Другое исследование рассмотрело трансграничные реки Казахстана и выявило, что ключевой проблемой является отсутствие регулирования на уровне отдельных бассейнов: существующие двусторонние соглашения охватывают не все реки и не предусматривают полноценных совместных органов управления, что снижает эффективность режима [4]. Таким образом, литература отмечает, с одной стороны, формирование целостной доктрины международного водного права, а с другой – пробелы между международными стандартами и их реализацией в отдельных регионах.

Материалы и методы

Исследование опирается на анализ международно-правовых документов и национального законодательства. В качестве нормативной базы рассмотрены прежде всего две универсальные конвенции ООН: Конвенция ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г. (Хельсинки) [5] и Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. (Нью-Йорк) [6]. Эти договоры закрепляют фундаментальные принципы сотрудничества: предотвращение значительного вреда, равноправие и разумность использования вод, обмен данными, уведомление о вмешательствах и др., служа международным стандартом в данной сфере. Кроме того, проанализированы региональные соглашения и национальные акты: например, межгосударственные договоры центральноазиатских стран по распределению вод (Алматинское соглашение 1992 г. [7] и др.), новое Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Узбекистан о совместном управлении и использовании трансграничных водных объектов (подписано в конце 2022 г.) [8], законодательство отдельных государств (водные кодексы, экологические законы). Эмпирическую базу дополняют материалы международных организаций и статистические данные о состоянии трансграничных вод.

Методологической основой работы послужил компаративно-правовой метод, примененный для сопоставления положений различных договоров и национальных правовых режимов. С помощью формально-юридического метода изучены тексты конвенций, соглашений и судебных актов, что позволило выявить их структуру, принципиальные положения и юридическую силу. Системный подход использован для рассмотрения управления водными ресурсами как целостной системы, где международное право, региональные механизмы и внутригосударственное регулирование взаимосвязаны. Также привлекались элементы историко-правового анализа (при обзоре эволюции доктрин суверенитета и сотрудничества) и экологического правового анализа (в части учета экологических прав и интересов при совместном управлении водами). Такой комплексный подход обеспечил всестороннее рассмотрение исследуемой проблемы.

Результаты и обсуждение

Исторически в международном водном праве существовали различные доктрины, определяющие права и обязанности государств в отношении общих водных ресурсов. К числу крайних подходов относились доктрина абсолютного территориального суверенитета и противоположная ей доктрина абсолютной территориальной целостности. Современное право отвергает оба этих экстремума. Базисом международных стандартов стали принципы ограниченного суверенитета, выраженные через обязанность не причинять существенного вреда соседям, и рационального и разумно справедливого использования водотоков. Эти нормы закреплены в Конвенции 1997 г. (ст. 5–7) и де-факто отражают баланс интересов: каждое государство имеет право на использование трансграничной воды в пределах, сочетающих удовлетворение его потребностей с уважением прав других стран и экосистем. Также международные стандарты требуют активного сотрудничества – обмена данными, заблаговременного уведомления о планируемых хозяйственных мероприятиях, проведения консультаций и переговоров (ст. 9-10 Конвенции 1997 г., ст.10 Конвенции 1992 г.). Современные исследования подчеркивают, что системный обмен гидрологическими и экологическими данными выступает ключевым инструментом предупреждения конфликтов и укрепления доверия между прибрежными государствами. Эмпирический анализ трансграничных бассейнов показывает, что институционализованные механизмы обмена информацией способствуют повышению экологической устойчивости, снижению рисков споров и формированию долгосрочного сотрудничества [9]. Отдельно развивается принцип устойчивости экосистем: государства обязаны принимать меры по предотвращению, ограничению и сокращению загрязнения и иного вредного трансграничного воздействия. То есть на глобальном уровне сформировалась модель, при которой совместное управление водами базируется на верховенстве права, координации и экологической ответственности.

Практика выработала несколько организационно-правовых моделей кооперации государств по трансграничным водам. Эти модели различаются по охвату участников, институциональным механизмам и нормативному наполнению. В обобщенном виде их можно классифицировать следующим образом:

Таблица 1 – Основные модели правового сотрудничества по трансграничным водам

Модель	Описание	Примеры
Двусторонний договор (без совместного органа)	Соглашение между двумя государствами, устанавливающее правила распределения и использования воды, но не создающее постоянных институтов.	Ряд соглашений XX в. (например, советско-китайские договоры о реках) без совместных комиссий.
Двусторонняя комиссия по реке	Договор двух государств, которым учреждается совместная комиссия для управления конкретным водным объектом, обмена данными и координации.	Индусская комиссия (Индия – Пакистан, Договор 1960 г.); казахстанско-узбекистанская комиссия (Соглашение 2022 г.).
Многосторонняя бассейновая организация	Многостороннее соглашение по целому бассейну, создающее постоянный орган с функциями планирования, распределения вод, охраны экосистем.	Международная комиссия по защите Дуная (Договор 1994 г.); Комиссия по Меконгу (Соглашение 1995 г.).
Региональная правовая рамка	Широкое соглашение или наднациональный акт, распространяющий единые принципы и требования на многие бассейны региона.	Конвенция ЕЭК ООН 1992 г.; Рамочная водная директива ЕС 2000 г.
Примечание: Составлено авторами.		

На практике данные модели управления нередко применяются в совокупности. В частности, в Европе сложился многоуровневый режим: страны региона заключили более 100 двусторонних и многосторонних соглашений по трансграничным водным объектам, дополняемых наднациональными правовыми нормами ЕС, которые гармонизируют подходы к качеству вод и их управлению. В совокупности это создало успешный многоаспектный режим европейского водного сотрудничества, где международное право, законодательство ЕС и национальные законы взаимодействуют в единой системе. Для сравнения, в иных регионах степень институционализации ниже: так, в Азии и Африке многие трансграничные бассейны все еще не имеют комплексных соглашений. По данным ООН, около 60% мировых трансграничных водных объектов не охвачены полноценными договоренностями, либо такие договоренности не охватывают все ключевые государства бассейна [1]. Это свидетельствует о том, что модель всеобщего договорного управления реализована не повсеместно.

Региональные примеры совместного управления водами демонстрируют разный уровень приверженности международным стандартам. В Европе благодаря Конвенции 1992 г. и директивам ЕС действует принцип интегрированного управления водными ресурсами по бассейновому принципу, создаются международные планы управления речными бассейнами, достигается совместимый правовой режим для всех участников [10]. Это существенно повысило согласованность действий государств и экологическую результативность – например, качество воды в Дунае, Рейне удалось улучшить усилиями международных комиссий, выполняющих цели, согласованные на уровне ЕС.

В регионе Центральной Азии ситуация более сложная. После распада СССР пять государств региона в 1992 г. подписали соглашение о сотрудничестве в области совместного управления и охраны водных ресурсов, создав Межгосударственную координационную водохозяйственную комиссию (МКВК). Этот шаг заложил основы общих принципов водораздела советского периода, однако последующие десятилетия показали недостаточность лишь одного соглашения. Возникли разногласия между государствами верха и низа бассейнов Амударьи и Сырдарьи относительно ежегодных объемов воды, режимов работы водохранилищ и компенсаций за поддержание стока. Отсутствие постоянно действующих механизмов на уровне каждого бассейна приводило к кризисным ситуациям. Например, уже в новейшее время инцидент на Сардобинском водохранилище (Узбекистан) в 2020 г. показал уязвимость: прорыв дамбы на трансграничной реке привел к затоплению обширных территорий в соседнем Казахстане. Это ЧП высветило необходимость более тесного взаимодействия государств по вопросам безопасности гидротехнических сооружений, обмена оперативной информацией и совместного реагирования на чрезвычайные ситуации.

Позитивным сдвигом в Центрально-Азиатском регионе стало заключение нового двустороннего Соглашения между Казахстаном и Узбекистаном о совместном управлении и рациональном использовании трансграничных водных объектов. Этот договор закрепляет современные механизмы взаимодействия: координацию режимов работы крупных водохранилищ, регулярный обмен данными в режиме реального времени, совместный мониторинг, а также создание Межправительственной комиссии для принятия решений по эксплуатации водных объектов. Примечательно, что в преамбуле нового соглашения прямо указано, что оно опирается на существующие международные обязательства сторон, включая принципы Конвенции 1992 г. и Конвенции 1997 г. Региональная практика демонстрирует тенденцию к институционализации сотрудничества и постепенному сближению с международными стандартами. Исследования подтверждают, что в Центральной Азии сформирована система институционализированного взаимодействия в сфере управления водной инфраструктурой, включающая как многосторонние механизмы (МКВК), так и двусторонние комиссии по отдельным бассейнам. Вместе с тем эффективность данных структур во многом определяется объемом их полномочий, финансовым обеспечением и реальной обязательной силой принимаемых решений [11]. При этом сохраняются структурные ограничения: не все государства региона вовлечены в двусторонние форматы координации, а многосторонний механизм МКВК сталкивается с проблемами юридической обязательности решений и неполного охвата участников бассейна р. Амударьи. В других регионах также наблюдается разноскоростное развитие. В Африке действует ряд бассейновых организаций (Комиссия по р. Нилу, Орган по р. Сенегал и др.), однако

многие договоры являются рамочными, а реализация проектов зависит от политической воли. В Юго-Восточной Азии пример успешного управления – Комиссия по реке Меконг, но, например, крупные верховья Меконга не охвачены этим соглашением. В Северной Америке модель США – Канада по Великим озерам и рекам демонстрирует длительную успешную работу Международной совместной комиссии, тогда как в Латинской Америке только формируется практика на базе соглашений по рекам Ла-Плата, Амазонка и др. В целом международные стандарты выполняют роль ориентира: даже вне формального присоединения к глобальным конвенциям многие государства применяют их принципы в двусторонних соглашениях. Например, нормы об обмене данными, предварительном уведомлении, экологических потоках стали типичными в новых договорах, что отражает влияние Конвенции 1997 г. на практику.

Вопрос соблюдения международных водных обязательств внутри страны во многом зависит от того, как встроены эти нормы в национальную правовую систему. В ряде государств Конституции напрямую устанавливают приоритет ратифицированных международных договоров перед внутренним законом (Конституция Республики Казахстан, ст. 4) [12]. Это означает, что несоответствие национальных актов положениям водных конвенций может быть предметом рассмотрения Конституционного суда или аналогичного органа. Хотя конкретных прецедентов, связанных именно с трансграничными водами, немного, сам механизм конституционного контроля служит гарантией добросовестного выполнения международных обязательств. Кроме того, многие страны закрепляют право граждан на благоприятную окружающую среду и воду, что придает международным нормам об охране вод правовую значимость на уровне основных прав. Показательным является опыт Колумбии: Конституционный суд Колумбии в постановлении T-622/16 (дело о реке Аtrato) признал, что хотя право на воду прямо не упомянуто в Конституции, оно вытекает из права на достойную жизнь и является фундаментальным; суд указал, что водные ресурсы должны охраняться для обеспечения экосистем и жизненных потребностей людей [13]. Более того, суд провозгласил саму реку Аtrato субъектом прав, обязав государство принять меры по ее защите и восстановлению. Этот уникальный случай продемонстрировал, как судебная власть может подтолкнуть исполнительные органы к соблюдению экологических обязательств, созвучных международным стандартам. В других странах тоже прослеживается тенденция к усилению судебной защиты водных ресурсов: национальные суды все чаще ссылаются на принцип предосторожности, права будущих поколений, обязывают правительства обеспечивать население питьевой водой. Таким образом, конституционный надзор и судебная практика становятся важным элементом системы совместного управления трансграничными водами, особенно в части защиты экологических прав и реализации международно-правовых обязанностей государств на национальном уровне.

Несмотря на прогресс в развитии международных и национальных механизмов, сохраняется ряд проблем, препятствующих эффективному совместному управлению трансграничными водными ресурсами. Во-первых, как уже отмечалось, неполный охват международными договорами: ключевые водоносные страны (например, Турция, Китай, Индия, Бразилия) не являются участниками глобальных водных конвенций. Это создает пробелы в правовом поле – в случаях споров с их участием приходится полагаться на общие принципы обычного права, без четких договорных процедур. Во-вторых, многие действующие соглашения устарели или ограничены по сфере регулирования. Ряд двусторонних договоров середины XX в. посвящены лишь распределению воды в фиксированных объемах и не учитывают современные вызовы – изменение климата, потребности экосистем, качество воды. Отсутствие механизмов пересмотра квот и адаптации договоров приводит к конфликтам, особенно в периоды засух или, напротив, паводков. В-третьих, существенной проблемой остается институциональная слабость отдельных совместных органов: не все бассейновые комиссии обладают достаточными полномочиями, финансовыми ресурсами и механизмами обязательного исполнения принятых решений. В случаях, когда решения носят рекомендательный характер, государства сохраняют возможность их игнорирования в пользу краткосрочных национальных интересов. Дополнительным сдерживающим фактором выступает политическое недоверие и нежелание делегировать наднациональным структурам реальные управленческие функции. Вместе с тем современные эмпирические исследования подтверждают, что наличие формализованных бассейновых организаций

и устойчивых координационных механизмов существенно снижает вероятность конфликтов, особенно в условиях реализации крупных гидроэнергетических проектов. В трансграничных бассейнах, где действуют институционализованные органы управления, фиксируется более низкий уровень межгосударственной напряженности и более высокая степень экологической согласованности действий [14].

Кроме того, финансовый и технический аспект: совместное управление требует средств на мониторинг, инфраструктуру, на проведение научных исследований. В беднейших регионах мира выполнение даже хорошего по нормам соглашения может страдать из-за банального отсутствия финансирования. Еще одна проблема – привлечение заинтересованных сторон. Традиционно водные договоры заключались правительствами, однако местные сообщества, водопользователи, экологи зачастую остаются вне процесса принятия решений. Без их участия реализации соглашений трудно, это показали случаи, когда, например, фермеры игнорировали межправительственные договоренности о лимитах водозабора. В последние годы вырабатываются подходы к более широкому участию общественности, но пока это не стало повсеместной нормой.

Наконец, проблема соблюдения экологических требований: экосистемный подход провозглашен во многих документах, но на практике охрана речных экосистем часто уступает приоритет экономическим проектам. Страны нередко не выполняют обязанность поддерживать «экологически необходимый сток» в реке, если нужно обеспечить ирригацию или энергетику. Отсутствие четких критериев экологического стока и санкций за их несоблюдение – слабое место многих договоров.

Для укрепления правовых моделей совместного управления трансграничными водами необходим комплекс мер на международном и национальном уровне. Прежде всего следует расширять договорную базу: стимулировать присоединение государств к глобальным конвенциям ООН 1992 и 1997 гг. либо заключение новых соглашений там, где их нет. Международные институты могут играть роль платформы для диалога, побуждая страны договариваться до возникновения конфликтов. Во-вторых, актуально модернизировать существующие соглашения – пересматривать устаревшие нормы, вводить в них гибкие механизмы адаптации к изменяющимся условиям. Например, закреплять процедуры регулярного пересмотра водораздела в зависимости от водности года, вводить положения о климатических корректировках, о поддержании минимального экологического стока. В-третьих, необходимо укреплять институциональный потенциал: наделять совместные комиссии реальными полномочиями, обеспечивать их финансирование. Полезно создавать постоянные технические секретариаты, рабочие группы экспертов при комиссиях, это повышает профессионализм управления.

Еще одним перспективным направлением является внедрение принципов открытости и участия заинтересованных сторон в системе совместного управления трансграничными водными ресурсами. Современная доктрина международного водного права все чаще рассматривает участие общественности как обязательный элемент легитимности и устойчивости бассейновых механизмов. Новейшие исследования подтверждают, что соглашения, предусматривающие создание бассейновых организаций с собственной правосубъектностью и институционализованными механизмами участия заинтересованных сторон, демонстрируют более стабильные и долгосрочные результаты управления [15]. Прозрачный обмен информацией и функционирование совместных информационных систем снижают уровень межгосударственного недоверия и способствуют формированию доверительной среды. Вовлечение местных сообществ, водопользователей и экологических организаций повышает исполнимость принятых решений и усиливает общественный контроль. Международные стандарты уже закрепляют право общественности на доступ к экологической информации и участие в принятии экологически значимых решений; следовательно, данные принципы должны последовательно имплементироваться и в сферу трансграничного водного сотрудничества. Кроме того, следует усилить синергию между международным и национальным правом. Рекомендуется имплементировать основные принципы водного права в национальные водные кодексы и межправительственные соглашения. Многие страны уже вводят норму об учете «жизненно важных потребностей» населения при распределении воды, о приоритете питьевого водоснабжения – эти положения должны

присутствовать и в договорах. Национальные правительства должны заранее согласовывать свою позицию с принципами международного права, чтобы не заключать соглашений, противоречащих общепризнанным нормам.

И, наконец, необходимо повышать роль судебных и контролирующих органов. Конституционные суды могли бы рассматривать вопросы соответствия внутренних актов международным водным договорам, что укрепит верховенство права в данной сфере. Международный суд ООН и арбитражи также должны оставаться доступными для разрешения споров, и государства могли бы предусматривать в договорах обязательную юрисдикцию таких органов на случай разногласий. Прецеденты показали, что правовые методы решения споров по воде реально работают и учитывают экологические факторы. Активизация юридической ответственности через судебные разбирательства или санкции за невыполнение договоров будет стимулировать надлежащее исполнение взятых обязательств.

Совершенствование правовых моделей требует как разработки новых норм, так и эффективного исполнения уже существующих. Единство усилий на глобальном, региональном и национальном уровне – залог того, что трансграничные воды станут не причиной конфликтов, а фактором сотрудничества и устойчивого развития.

Заключение

На основе проведенного исследования можно предложить ряд конкретных мер по совершенствованию законодательства в сфере совместного управления трансграничными водными ресурсами:

1) Необходимо стимулировать присоединение государств к глобальным водным конвенциям ООН 1992 и 1997 гг., а также заключение новых соглашений в тех трансграничных бассейнах, где договоренности отсутствуют или не охватывают всех ключевых участников. Это заполнит пробелы в правовом регулировании и создаст единые рамки сотрудничества.

2) Следует пересмотреть и обновить устаревшие двусторонние и многосторонние договоры с учетом современных вызовов – изменения климата, роста потребностей и повышенных экологических требований. В такие соглашения важно внести механизмы гибкой адаптации (например, регулярный пересмотр распределения вод в зависимости от водности года, установление минимально необходимого экологического стока, процедуры экстренного уведомления о чрезвычайных ситуациях) и предусмотреть юридическую ответственность за несоблюдение этих положений.

3) Нужно усилить полномочия и возможности совместных бассейновых организаций и комиссий. В договорах следует наделить их правом принятия обязательных решений по режимам использования воды, обеспечить регулярное финансирование их деятельности и создать постоянные технические секретариаты и рабочие группы. Это повысит эффективность выполнения соглашений и оперативность реагирования на возникающие проблемы.

4) Законодательно следует закрепить обязательный обмен данными о состоянии водных ресурсов между странами в режиме реального времени, а также открытость такой информации для всех государств бассейна и общественности. Важно предусмотреть вовлечение местных сообществ, водопользователей и экологических организаций в разработку и реализацию решений по управлению водами, что повысит уровень доверия, общественный контроль и исполнительскую дисциплину при реализации договоренностей.

5) Необходимо имплементировать ключевые принципы международного водного права (равноправное и разумное использование вод, обязанность не причинять значительный вред соседям, приоритет удовлетворения основных потребностей населения и экосистем) в национальные водные кодексы и природоохранное законодательство. Следует обеспечить приоритет международных договоров в случае их расхождения с внутренними нормами, чтобы выполнение внешних обязательств было гарантировано на национальном уровне.

6) Разработать механизмы, стимулирующие неукоснительное исполнение водохозяйственных соглашений. В новые и действующие договоры целесообразно включать обязательные

процедуры мирного разрешения споров (например, обращение в Международный суд ООН, арбитраж или другой согласованный сторонами орган) для правового урегулирования разногласий. Одновременно следует укрепить роль конституционных и иных национальных судов в контроле за соблюдением государственных органами международных водных обязательств. Необходимо также предусмотреть в национальном законодательстве и межгосударственных договорах меры ответственности за невыполнение согласованных условий, включая обязанность возмещения ущерба при нарушении установленного режима водопользования.

Реализация указанных мер позволит устранить выявленные пробелы и противоречия, приблизив законодательство и практику совместного управления трансграничными водами к международно признанным стандартам. В перспективе это снизит риск межгосударственных конфликтов и поможет превратить общий водный ресурс из потенциального источника разногласий в фактор сотрудничества, мира и устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1 Sindico F. National Sovereignty Versus Transboundary Water Cooperation: Can You See International Law Reflected in the Water? // *AJIL Unbound*. 2021. Vol. 115. P. 178–182. DOI: <https://doi.org/10.1017/aju.2021.24>

2 Случевская Ю.А. Проблемы формирования международно-правовой модели совместного использования и охраны международных водотоков // *Lex Russica*. – 2019. – № 3(148). – С. 73–86. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.148.3.073-086

3 McCaffrey S.C. International water cooperation in the 21st century: recent developments in the law of international watercourses // *Review of European, Comparative and International Environmental Law*. 2014. Vol. 23. No. 1. P. 4–14. DOI: 10.1111/reel.12064

4 Ozenbayeva A., Yerezhkyzy R., Yessetova S., Jangabulova A., Beissenbayeva M. Legal regulation of transboundary water resources of the Republic of Kazakhstan // *Environmental Development*. 2022. Vol. 44. Art. 100781. DOI: 10.1016/j.envdev.2022.100781

5 Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17–18 марта 1992 г.). URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/pdf/watercon.pdf>

6 Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков (Нью-Йорк, 21 мая 1997 г.). URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_3_1997.pdf

7 Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о сотрудничестве в сфере управления и охраны водных ресурсов межгосударственных источников (Алма-Ата, 18 февр. 1992 г.). URL: https://www.internationalwaterlaw.org/documents/asia.html#CA_Wate

8 Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Узбекистан о совместном управлении и использовании трансграничных водных объектов (Ташкент, 21 дек. 2022 г.). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000711>

9 Sarfaraz M.U., Hall D.M., Rotman R.M. Data sharing in transboundary water management // *Frontiers in Water*. 2022. Vol. 4. Article 982605. P. 1–7. DOI: 10.3389/frwa.2022.982605.

10 Reichert G. Transboundary water cooperation in Europe – a successful multidimensional regime? // *Brill Research Perspectives in International Water Law*. 2016. Vol. 1. No. 1. 111 p.

11 Ziganshina D. Water infrastructure in Central Asia: legal and institutional frameworks // *Frontiers in Climate*. 2023. Vol. 5. Article 1284400. P. 1–6. DOI: 10.3389/fclim.2023.1284400.

12 Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 авг. 1995 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000>

13 Corte Constitucional de Colombia. Sentencia T-622/16 (10 nov. 2016). Decisión sobre el río Atrato como sujeto de derechos. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2016/T-622-16.htm>

14 Schmeier S. The role of institutionalized cooperation in transboundary basins in mitigating conflict potential over hydropower dams // *Frontiers in Climate*. 2023. Vol. 5. Article 1283612. DOI: 10.3389/fclim.2023.1283612.

15 Seqat N. The principle of public participation in transboundary water resources management: a case study of transboundary basin organizations // *Revue internationale de droit économique*. 2022. Vol. XXXVI. No. 2. P. 55–75. DOI: 10.3917/ride.362.0055.

REFERENCES

- 1 Sindico F. (2021) National Sovereignty Versus Transboundary Water Cooperation: Can You See International Law Reflected in the Water? // *AJIL Unbound*. Vol. 115. P. 178–182. DOI: <https://doi.org/10.1017/aju.2021.24> (In English)
- 2 Sluchevskaja Ju.A. (2019) Problemy formirovaniya mezhdunarodno-pravovoj modeli sovmestnogo ispol'zovaniya i ohrany mezhdunarodnyh vodotokov // *Lex Russica*. No. 3 (148). P. 73–86. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.148.3.073-086 (In Russian)
- 3 McCaffrey S.C. (2014) International water cooperation in the 21st century: Recent developments in the law of international watercourses // *Review of European, Comparative and International Environmental Law*. Vol. 23. No. 1. P. 4–14. DOI: 10.1111/reel.12064 (In English)
- 4 Ozenbayeva A., Yezhepkyzy R., Yessetova S., Jangabulova A., Beissenbayeva M. (2022) Legal regulation of transboundary water resources of the Republic of Kazakhstan // *Environmental Development*. Vol. 44. Art. 100781. DOI: 10.1016/j.envdev.2022.100781 (In English)
- 5 Konvencija po ohrane i ispol'zovaniju transgranichnyh vodotokov i mezhdunarodnyh ozer (Hel'sinki, 17–18 marta 1992 g.). URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/pdf/watercon.pdf> (In Russian)
- 6 Konvencija OON o prave nesudohodnyh vidov ispol'zovaniya mezhdunarodnyh vodotokov (N'ju-Jork, 21 maja 1997 g.). URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_3_1997.pdf (In Russian)
- 7 Soglasenie mezhdu Respublikoj Kazahstan, Kyrgyzskoj Respublikoj, Respublikoj Tadzhiestan, Turkmenistanom i Respublikoj Uzbekistan o sotrudnichestve v sfere upravlenija i ohrany vodnyh resursov mezghosudarstvennyh istochnikov (Alma-Ata, 18 fevr. 1992 g.). URL: https://www.internationalwaterlaw.org/documents/asia.html#CA_Wate (In Russian)
- 8 Soglasenie mezhdu Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan i Pravitel'stvom Respubliki Uzbekistan o sovmestnom upravlenii i ispol'zovanii transgranichnyh vodnyh ob#ektov (Tashkent, 21 dek. 2022 g.). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000711> (In Russian)
- 9 Sarfaraz M.U., Hall D.M., Rotman R.M. (2022) Data sharing in transboundary water management // *Frontiers in Water*. Vol. 4. Article 982605. P. 1–7. DOI: 10.3389/frwa.2022.982605 (In English)
- 10 Reichert G. (2016) Transboundary water cooperation in Europe – a successful multidimensional regime? // *Brill Research Perspectives in International Water Law*. Vol. 1. No. 1. 111 p. (In English)
- 11 Ziganshina D. (2023) Water infrastructure in Central Asia: legal and institutional frameworks // *Frontiers in Climate*. Vol. 5. Article 1284400. P. 1–6. DOI: 10.3389/fclim.2023.1284400 (In English)
- 12 Konstitucija Respubliki Kazahstan : prinjata na respublikanskom referendumu 30 avg. 1995 g. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (In Russian)
- 13 Corte Constitucional de Colombia. Sentencia T-622/16 (10 nov. 2016). Decisión sobre el río Atrato como sujeto de derechos. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2016/T-622-16.htm> (In English)
- 14 Schmeier S. (2023) The role of institutionalized cooperation in transboundary basins in mitigating conflict potential over hydropower dams // *Frontiers in Climate*. Vol. 5. Article 1283612. DOI: 10.3389/fclim.2023.1283612 (In English)
- 15 Seqat N. (2022) The principle of public participation in transboundary water resources management: a case study of transboundary basin organizations // *Revue internationale de droit économique*. Vol. XXXVI. No. 2. P. 55–75. DOI: 10.3917/ride.362.0055 (In English)

МАРАТ М.М.,*¹

З.Ф.М.

*e-mail: madina_20_20@mail.ru
ORCID ID: 0009-0002-1375-623X

УЗАКБАЕВА А.Б.,²

З.Ф.К., доцент.

e-mail: ms.rabbota2016@mail.ru
ORCID ID: 0009-0009-7932-4799

ТУРСЫНБАЕВА Г.И.,³

З.Ф.М., аға оқытушы.

e-mail: g.tursynbaeva@q.edu.kz
ORCID ID: 0009-0004-0940-6290

НҰРЖАНОВ Д.А.,⁴

З.Ф.М., профессор ассистенті.

e-mail: nurzhanov.d@kaznmu.kz
ORCID ID: 0009-0002-2160-5351

¹Е.А. Бөкетов атындағы

Қарағанды университеті,

Қарағанды қ., Қазақстан

²Академик Алдамжар атындағы Қостанай
әлеуметтік-техникалық университеті,

Қостанай қ., Қазақстан

³«Q» University,

Алматы қ., Қазақстан

⁴С.Д. Асфендияров атындағы

Қазақ ұлттық медицина университеті,

Алматы қ., Қазақстан

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЖӘНЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ КОНТЕКСТТЕГІ ТРАНСШЕКАРАЛЫҚ СУ РЕСУРСТАРЫН БІРЛЕСІП БАСҚАРУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МОДЕЛЬДЕРІ

Аңдатпа

Мақалада су тапшылығының, климаттық өзгерістердің және экологиялық тәуекелдердің өсуі жағдайында трансшекаралық су ресурстарын бірлесіп басқарудың құқықтық модельдері қарастырылады. Зерттеудің мақсаты мемлекеттер ынтымақтастығын реттеудің тиімді халықаралық-құқықтық және салыстырмалы-құқықтық тетіктерін анықтау және басқарудың қолданыстағы модельдерін жаңғырту бағыттарын айқындау болып табылады. Жұмыстың ғылыми және практикалық маңыздылығы Халықаралық су құқығының қазіргі заманғы қағидаттарын жүйелеу және шарттық нормалар мен оларды өңірлерде нақты іске асыру арасындағы алшақтықты анықтау болып табылады. Зерттеу әдістемесі 1992 және 1997 жылдардағы БҰҰ конвенцияларын, аймақтық келісімдерді және ұлттық заңнаманы талдауда қолданылатын компаративті-құқықтық, ресми-құқықтық және жүйелік әдістерді қамтиды. Су ынтымақтастығының тиімділігі шарттық базаның толықтығына, комиссиялардың институционалдық тұрақтылығына, бақылау тетіктеріне және экожүйелік тәсілдің интеграциясына байланысты екені анықталды. Декларативті келісімдерден бассейнді басқарудың кешенді модельдеріне көшу қажеттілігі туралы қорытынды жасалды. Деректер алмасудың рөліне және мүдделі тараптардың қатысуына ерекше назар аударылады. Экологиялық құқықтардың сот кепілдіктерінің маңыздылығына баса назар аударылады. Зерттеу нәтижелерінің практикалық құндылығы оларды су саясаты мен мемлекетаралық шарттарды әзірлеуде қолданумен байланысты.

Тірек сөздер: трансшекаралық су ресурстары, халықаралық су құқығы, бірлескен басқару, экологиялық құқықтар, су саласындағы ынтымақтастық.

MARAT M.M.,*¹

master of law.

*e-mail: madina_20_20@mail.ru

ORCID ID: 0009-0002-1375-623X

UZAKBAYEVA A.B.,²

c.l.s., associate professor.

e-mail: ms.rabbota2016@mail.ru

ORCID ID: 0009-0009-7932-4799

TURSYNBAYEVA G.I.,³

master of law, senior lecturer.

e-mail: g.tursynbaeva@q.edu.kz

ORCID ID: 0009-0004-0940-6290

NURZHANOV D.A.,⁴

master of law, assistant professor.

e-mail: nurzhanov.d@kaznmu.kz

ORCID ID: 0009-0002-2160-5351

¹E.A. Buketov Karaganda University,

Karaganda, Kazakhstan

²Aldamzhar Kostanay Social and Technical University,

Kostanay, Kazakhstan

³“Q” University,

Almaty, Kazakhstan

⁴Asfendiyarov Kazakh National Medical University,

Almaty, Kazakhstan

LEGAL MODELS OF JOINT MANAGEMENT OF TRANSBOUNDARY WATER RESOURCES IN THE INTERNATIONAL AND COMPARATIVE LEGAL CONTEXT

Abstract

Article examines legal models of joint management of transboundary water resources in context of increasing water scarcity, climate change, and environmental risks. Purpose of study is to identify effective international and comparative legal mechanisms regulating cooperation between states and to determine key directions for modernizing existing governance models. Scientific and practical significance lies in systematizing contemporary principles of international water law and revealing gap between treaty norms and their implementation in different regions. Research methodology includes comparative legal, formal legal, and systemic approaches applied to analysis of 1992 and 1997 UN Conventions, regional agreements, and national legislation. Study establishes that effectiveness of transboundary water cooperation depends on completeness of treaty framework, institutional stability of joint commissions, availability of control and monitoring mechanisms, and integration of ecosystem-based approach. It is concluded that shift is required from declarative agreements toward comprehensive basin-oriented governance models. Special attention is given to role of data exchange and stakeholder participation. Importance of judicial safeguards for environmental rights is emphasized. Practical value of findings is linked to possible application in developing water policy and drafting interstate agreements.

Keywords: transboundary water resources, international water law, joint management, environmental rights, water cooperation.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.01.2026